

Взгляните, до чего дошел Шэнь Ко? Разве может быть что-то стабильнее, чем открыть лавку и зарабатывать, как это сделал господин Хань?

Хань Мяо рассмеялся:

— Цюн прав.

Что хорошего в том, чтобы быть чиновником? С тех пор, как он узнал о причинах перемен в чайном законе, о том, что бесчисленные высокопоставленные чиновники и богачи стали виновниками провала реформ князя Фань Вэньчжэна и опустошения казны, он потерял желание быть чиновником.

Какая польза от хорошего чиновника? Оскорбишь влиятельных людей — отправят в ссылку на границу; втянешься в придворные интриги — обычное дело оказаться в изгнании на острове Шамынь; даже если будешь предан стране, встретишь такого императора, как Чжэнь-цзун, и князь Коу Лай тоже умрет в Лэйчжоу. Современные герои как рыба в воде, но никто не может изменить судьбу страны, спасти народ. Какой прок от него, обычного человека, который даже не выделяется в поэзии?

В тот день, когда он отказался от карьеры чиновника, Хань Мяо понял, что его талант не в управлении. Возможно, став знаменитым купцом, он сможет принести пользу своей стране, сделать что-то значимое. Кто бы мог подумать, что случайно обретенные за годы путешествий знания однажды дойдут до самого императора.

Может ли этот мир измениться? Возможно, да. Но способом, о котором он никогда не думал.

Вернувшись к реальности, Хань Мяо посмотрел на человека рядом с собой, и в его сердце зародилось любопытство:

— Цюн, а у тебя есть какая-то мечта?

Тогда, когда он с уверенностью решил, теперь, когда его спросили, это вызвало некоторое смущение. Чжэнь Цюн сжал губы:

— Конечно, создать что-то новое, стать истинным человеком, которого будут уважать и чтить!

Хань Мяо удивленно поднял бровь. Он думал, что цель Чжэнь Цюна — это лишь Путь совершенствования, но он даже мечтает «основать школу»! Откуда он вообще узнал, что создание чего-то нового может принести такую славу? В такие моменты он чувствовал, что мысли этого молодого монаха далеки от обычных людей, словно он пришел из другого мира.

Но слова, которые он произносил, были настолько твердыми и страстными, что не оставляли сомнений. Хань Мяо почувствовал, что, возможно, он мог бы помочь ему прославиться. Например, с тем «чудесным лекарством» от грудной жабы, при правильном подходе можно было бы стать известным по всей стране. Но если Чжэнь Цюн станет «высоким мастером», останется ли он с ним?

Немного помедлив, Хань Мяо всё же заговорил:

— Если хочешь славы, я, возможно, смогу помочь...

Не дав ему закончить, Чжэнь Цюн решительно покачал головой:

— Слава должна быть заслужена своими силами! Как другие могут помочь?

Шутка ли, он еще даже ничего не создал, как он может стать знаменитым? Только после достижения результата, после ошеломляющего успеха можно будет говорить о славе, ведь это и есть истинный путь Великого Пути Творения!

Его глаза горели с такой яркостью, были настолько чистыми, как у ребенка, что хотелось подойти, поцеловать его, обнять.

Как будто ослепленный этим светом, Хань Мяо на мгновение закрыл глаза, а затем улыбнулся:

— Цюн, у тебя прекрасные амбиции.

Тон его голоса, полный нежности, заставил Чжэнь Цюна покраснеть. Господин Хань действительно не презирает его за «высокие мечты», господин Хань действительно хорош...

Снаружи, похоже, кто-то забил гол, и крики стали ещё громче, словно готовы были прорвать крышу. Но оба не смотрели на поле, их взгляды встретились, а затем быстро отвели. Хань Мяо улыбнулся, взял фрукт и протянул его Чжэнь Цюну.

— Попробуй эту грушу.

Мягкие пальцы, возможно, случайно, слегка коснулись его руки, словно пробежались по самому сердцу. Чжэнь Цюн почувствовал, как его рот стал сухим, и поспешно взял грушу, начав жадно кусать её.

Глядя на его покрасневшие уши, Хань Мяо слегка улыбнулся. Раз уж это не вызывает отторжения, он может позволить себе немного больше...

— Что случилось с этим двором?! — увидев перед собой эту картину, Ми Фу почувствовал, как у него темнеет в глазах. Всего несколько дней не был здесь, и уже такой беспорядок!

Рядом с изящным и спокойным прудом была вырыта длинная канава, и установлен неуклюжий ворот. На крыше белых стен и синих черепиц почему-то стоял огромный бочонок, а длинные бамбуковые шесты, словно хвост, свисали прямо в озеро. Во дворе появилось несколько больших бочек высотой по пояс, в которых не было ни рыб, ни лотосов, а только песок. Это ещё не все, несколько каменщиков всё еще работали в доме, видимо, что-то переделывали.

— Твой двор что, ограбили? — с болью в сердце воскликнул Ми Фу.

Лежа на низкой кушетке, Чжэнь Цюн лениво ответил:

— Это называется практичностью. Гораздо полезнее, чем этот дурацкий камень.

— Ты так портишь двор, господин Хань знает об этом? — зная, что это идея этого «вульгарного человека», Ми Фу был еще больше возмущен. Неужели даже камень с озера Тайху не уцелеет?

— Это господин Хань специально для меня сделал! — услышав это, Чжэнь Цюн с гордостью заявил.

Господин Хань даже поставил стул, чтобы он мог наблюдать за работой. Если что-то было не так, можно было сразу исправить.

Все пропало! Ми Фу схватился за грудь, чувствуя, как его любимые пионы были съедены

коровой.

Чжэнь Цюн посмотрел на него с укором:

— Если тебе не нравится, не приходи сюда каждый день.

Он был бы рад избавиться от этого надоедливого человека.

Камень с озера Тайху он еще не закончил рисовать, нельзя бросать на полпути! Ми Фу успокоился, долго смотрел на озеро и вздохнул:

— Ладно, по крайней мере, камень на месте.

Он быстро приказал слугам поставить стол, вытереть стул и сел, достал уголь, завернутый в белую ткань, и начал рисовать.

Когда рядом никто не мешал, Чжэнь Цюн снова задумался об алхимической лаборатории. Почему господин Хань такой внимательный? Он специально приказал сделать шкафы для различных банок и бутылок. И сказал, что нужно добавить окно, чтобы ядовитые газы могли выходить. Кстати, письменный стол тоже переделали неплохо, все подставки закрепили, очень удобно! Такое количество инструментов, специально созданных для плавки пилюль, даже в крупных храмах провинций нет! Господин Хань действительно лучший...

Думая об этом, его мысли неожиданно свернули в другую сторону. Чжэнь Цюн вспомнил те руки, длинные и прямые, не толстые и не тонкие, с легкими мозолями на ладонях, вероятно, от держания поводьев. Когда они держали его, было тепло и надежно, никогда не отпускали слишком быстро. И те глаза, с такими длинными ресницами, когда он улыбался, ресницы слегка опускались, словно излучая свет. Иногда, когда он смотрел на него, сердце начинало биться так сильно, словно готово было взлететь в небо.

Не в силах сдержаться, Чжэнь Цюн перевернулся на кушетке, но, не успев успокоиться, увидел удивленное лицо Ми Фу.

— Ты... не болен? — Ми Фу с изумлением спросил.

Хотя этот молодой монах был очень вульгарным и не понимал красоты живописи, он был хорошим человеком, подарил ему мыло и научил делать перчатки. Теперь он то катается, то смеется, так что он просто обязан проявить заботу.

Чжэнь Цюн:

— ...

Это ты болен! Собираясь плюнуть на него, Чжэнь Цюн вдруг вспомнил о своей недавней боли в сердце и, немного помедлив, нажал на грудь:

— Недавно действительно было плохо. Сердце часто болело, когда я думал о ком-то, становилось тяжело. А потом, когда увидел этого человека, сердце начинало биться так сильно, что кружилась голова, возможно, это из-за того, что я слишком устал и мало спал.

В последнее время он часто видел во сне господина Ханя. Сначала он дрался с Сунь Панминем, отбирал человека и убегал. Потом это превратилось в цуцзюй и конное поло, он даже не боялся, играл с Хань Мяо за мяч, падал с лошади и катался по земле... Целую ночь был занят,

спал всего несколько часов, словно и не спал.

Ми Фу смотрел на него некоторое время, затем фыркнул, быстро написал две строки и бросил их ему.

Чжэнь Цюн, не понимая, поднял листок бумаги и увидел на нем стихотворение.

*

Красная фасоль растет на юге,

Весной выпускает новые ветви.

Желаю тебе собрать её побольше,

Ведь она вызывает самую сильную тоску.

*

Двадцать иероглифов, которые он быстро прочитал, Чжэнь Цюн в недоумении поднял голову:

— Что это?

— Лекарство, — усмехнулся Ми Фу. — Твоя болезнь может быть излечена только фасолью из этого стихотворения.

Редко можно увидеть, как Чжэнь Цюн попадает в неловкое положение, Ми Фу был очень доволен. Вульгарный человек, даже страдая от любовной тоски, не осознает этого. Наверное, какая-то девушка, которая, скорее всего, не обратит на него внимания?

Чжэнь Цюн покачал головой:

— Красная фасоль ядовита, как она может быть лекарством?

— Что? — Ми Фу остолбенел.

— Она действительно ядовита, если съесть слишком много, можно умереть, — поспешно добавил Чжэнь Цюн.

— Нет... — Ми Фу, наконец, вырвался из вихря размышлений о том, можно ли есть красную фасоль, и громко сказал. — Ты страдаешь от любовной тоски! Ты влюбился в кого-то, поэтому так растерян!

Что?! Чжэнь Цюн тоже был шокирован. Это та самая легендарная любовная тоска?! Подождите, он влюбился в господина Ханя?

<http://bllate.org/book/16827/1547451>